

Памяти Бориса Ивановича Тищенко

«отмеченного Богом», по выражению Льва Аннинского, так называемого «поколения детей 1937-го года» — родившихся в конце 1930-х, тех, которым, наверное, почти безраздельно принадлежит отечественная культура второй половины XX века — Иосиф Бродский, Николай Рубцов, Валентин Распутин, Андрей Битов, Юнна Мориц, Белла Ахмадулина, Анатолий Найман, Венедикт Ерофеев, Владимир Высоцкий, Юрий Буцко, Валерий Гаврилин, Николай Капустин... Борис Тищенко.

Пламенный реакционер великой эпохи, оказавшийся не очень нужным после окончания самой эпохи, композитор, свой долг перед искусством выполнивший, он добился по данным самому себе законам и правилам вершины, сказал свое слово, построил свой мир, «стоялся», выражаясь его нелюбимым (всем известна неприязнь Тищенко к музыковедению вообще и отечественному в частности) научным языком, «как культурный феномен». Долг потомков... играть, издавать. Ценить, прощать. Осознавать. Объективно оценивать, невзирая на партийные пристрастия или неприязни. И помнить. Помнить, ведь память — вторая жизнь.

Наталья ВОЛКОВА
Любимому Учителю

Прошло совсем немного времени после прощания с Борисом Ивановичем Тищенко. Невозможно пока осознать, что уже никогда мы не встретимся с ним в консерватории, что его пальцы не прикоснутся к роялю в 36-м классе, что не услышим его голоса хотя бы по телефону. В каком-то невидимом энерго-информационном пространстве очень явно ощущается его присутствие, в голове звучит музыка, так же, как и высказывания — очень глубокие, а порой и довольно острые.

Словно кадры кинохроники проносятся перед глазами годы учебы, когда мы с друзьями по классу Бориса Ивановича ежедневно упоминали его имя раз по пятьсот, а то и больше. «Шефские сонаты...», «А у Шефа в Седьмой симфонии...», «Ну, эта шутка в духе Шефа...», «Слушай, у тебя в разработке прямо шефщина!..» Шеф, любимый Шеф... И сейчас все наши разговоры о нем, о его музыке. С ним связано не просто многое, с ним связано все.

Б.И. Тищенко мужественно принял свою болезнь и бесстрашно встретил смерть. Он вообще ничего не боялся. Не боялся с кем-либо испортить отношения, что могло бы навредить карьере. Не боялся недооценки своего великого музыкального наследия. На сетования о том, что музыка некоторых его современников исполняется все-таки больше и в России, и за рубежом, Борис Иванович отвечал: «Я не тороплюсь, у меня времени много...». Не боялся воплощать в музыке сверхмасштабные литературные сюжеты. (Хотя если не ему, тогда кому?) Как-то на уроке он нам рассказывал, что

Дмитрий Дмитриевич Шостакович то ли в шутку, то ли в серьез почти что запрещал использовать в музыке три сюжета: «Двенадцать» А. Блока, «Слово о полку Игореве» и «Божественную комедию» Данте. Мы как раз учились, когда Борис Иванович не без гордости заявил: «Ну, вот, “Двенадцать” и “Ярославна” уже есть, надеюсь, и “Данте” допишу».

Б.И. Тищенко называл себя «маленьким спутником великого Д.Д. Шостаковича». И не боялся, что это будет подавлять его собственную композиторскую уникальность! Он был верен своему Учителю до гроба в самом прямом смысле этого слова. А между тем в музыке Б.И. Тищенко не менее сильны в историческом преломлении влияния музыки Л. Бетховена и Ф. Шуберта. Например, Девятая фортепианная соната Бориса Ивановича вызывает ассоциации с поздними сонатами Л. Бетховена. И более того, по-моему, стоит с ними в одном ряду. Это такое же невероятное произведение, прежде всего по высоте духа, по устремленности к самым неизведанным высотам бытия и небытия. Ну, и конечно, редчайший случай в наше время использования формы фуги внутри сонатного цикла. И ведь не побоялся автор написать совершенно диатоничную пасторальную тему с баховским скрытым двухголосием (речь — о теме второй части сонаты). И это отнюдь не цитата, не постмодернистский прием, а совершенно самостоятельная, яркая тема. Здесь уместно вспомнить высказывание Бориса Ивановича о некоей «духовной субстанции», которая освещает музыку светом личности автора, независимо от использования специфических композиторских приемов. Б.И. Тищенко любил говорить это, когда мы слушали в классе музыку Ф. Шуберта. И снова смелое решение: свою Восьмую симфонию Б.И. Тищенко мыслил как продолжение «Неоконченной» Ф. Шуберта и просил исполнять обе симфонии в одном концерте. Кстати, «божественных длиннот» Борис Иванович тоже не боялся — он имел на них право.

Боялись только мы: ученики, друзья, коллеги. Боялись, что настанет этот момент, когда придет время подвести итоги. Всякий раз, когда мне приходилось аккомпанировать в вокальном цикле Бориса Ивановича «Дорога» на стихи Овсея Дриза, я едва сдерживала слезы на словах: «*И Эныку-Беныку станут видны сугробы моей голубой седины...*». Так хотелось всем нам оттянуть этот момент, как можно дольше видеть и слышать Учителя. «*А можно ли до кладбища длиннее выбрать путь, чтоб с милыми, родными побыть еще чуть-чуть?..*» (Из стихотворения Вл. Левинзона памяти мамы Бориса Ивановича).

Б.И. Тищенко принял смерть очень достойно, он полностью выполнил свою миссию на этой Земле. «*...И Эныку-Беныку станет понятно, куда убегает зима от весны...*».

Светлая память, дорогой Учитель, любимый Шеф...
Вечная память.